

В.К. Шохин

**«ОНИ ПРЕДАЛИ ЕГО»:
АРХИЕПИСКОП МАРСЕЛЬ ЛЕФЕВР
О П ВАТИКАНСКОМ СОБОРЕ**

То, что православное издательство «Владимир Даль» выпустило курс лекций ультраортодоксального католика* и что книга получила очень сочувственные отклики со стороны и авторитетных православных пастырей¹, и СМИ, никак нельзя считать случайным. Архиепископ Марсель Лефевр (1905–1991), твердо настаивавший на том, что вне Католической церкви нет спасения, по самой своей ментальности был ближе всего именно к православному консерватизму и даже отчасти к старообрядческому, и если бы не постоянные ссылки на верховный авторитет «дособорных» пап и отстаивание латинской мессы, могло бы сложиться впечатление, что перед нами не перевод с французского², а оригинальный текст русскоязычного религиозного публициста. Этот факт уже сам по себе представляет большой интерес, заставляя вспомнить крылатое выражение о том, что конфессиональные перегородки не всегда достигают неба. Однако его книга может быть интересна не только для специалистов по сравнительному богословию или для тех, кто изучает религиозный консерватизм, но и востребована каждым, кого беспокоят нынешнее положение и перспективы существования христианства (не только Ватикана) в послехристианском мире, о котором католический архиепископ имел мужество сказать правду, фактически отказавшись от догмата о папской непогрешимости. Но вначале об авторе.

* *Архиепископ Марсель Лефевр*. Они предали Его: От либерализма к отступничеству. Пер. с франц. М. Заслонова. СПб.: Владимир Даль, 2007. 348 с.

¹ См. большую вступительную статью прот. Александра Шаргунова к обсуждаемой книге (с. 5–40) и статью прот. Валентина Асмуса «Архиепископ Лефевр и католицизм XX века» (Православный журнал «Благодатный огонь»: <http://www.blagogon.ru/biblio/236/>).

² Перевод, к сожалению, не блестящий (достаточно сказать, что слово «выбор» передается не один раз через кальку «арбитр»), и это же относится к его редакции и вычитке (например, «Павел VI впитал общественно-политические воззрения Мариена еще в 1826 году...», с. 191, т.е. за 56 лет до рождения последнего).

Марсель Лефевр родился 29 ноября 1905 г. в г. Туркуэне (север Франции, на границе с Бельгией), в семье промышленника-сукнодела, консервативного католика и монархиста Рене Лефевра (впоследствии участника Сопротивления, погибшего в 1944 г. в немецком концлагере). Получив среднее образование в Коллегии Святейшего Сердца в родном городе (1913–1923), он продолжил обучение во французской семинарии в Риме, достигнув затем степени доктора философии (1925) и богословия (1929), и в 1929 г. был рукоположен в священники. В 1931 г. он вступил в миссионерскую Конгрегацию Святого Духа³, а затем был направлен миссионером во «французскую Африку», в Габон. Миссионерская деятельность Лефевра здесь, а затем в Сенегале была успешной, так как ему удалось среди 3,5-миллионного населения страны, подавляющее большинство которого составляли мусульмане (им покровительствовали, кстати сказать, и французские колониальные власти), заметно увеличить количество приходов и монашество. В 1947 г. Пий XII назначает его апостольским викарием Дакара, а чуть позже (в том же году) он в Туркуэне посвящается в епископы. В 1948 г. Папа назначает его и на должность апостольского легата во Французской Африке, в которой он должен был представлять Святой престол при 46 епархиях французских колоний на Африканском континенте. Назначение предполагало возвышение в сане, и Лефевр был переведен на архиепископскую кафедру. Своей деятельностью на Африканском континенте он заслужил почетный титул «апостола Африки». И было за что: он сформировал 21 новую епархию, открыл несколько семинарий, больницы и школы и развивал католическую прессу. Архиепископом Дакарским он оставался до 1962 г., когда был переведен на Тюльскую кафедру (юг Франции). Его заслуги не остались незамеченными, и в декабре 1958 г. преемник Пия XII Иоанн XXIII включил его в центральную комиссию по подготовке нового общекатолического собора. Несомненно, что, если бы он принял то, что от него хотели на II Ватиканском соборе (1963–1965), его ожидало бы дальнейшее продвижение. Но «апостол Африки» вошел в число консервативного меньшинства отцов собора (наряду, например, с кардиналом Альфредо Оттавиани, на которого он ссылается в книге), которым успешно противостояла так называемая Рейнская группа епископов, лоббировавшая революцию и в богослужебном уставе, и в социальной политике, и в политике межрелигиозной. Хотя Лефевр подписывал важнейшие соборные документы, при голосовании он выступал против их принятия.

³ Одна из самых значительных конгрегаций (братства-общины, тесно связанные с монашескими орденами, но включающие в себя и мирян), основанная в 1703 г.

После собора отношения между консервативным диссидентом и официальным Ватиканом начали складываться «неоднозначно». С одной стороны, Святой престол, следуя принципу плюрализма, а еще больше тактике лавирования между партиями, дал в 1970 г. согласие на основание Лефевром священнического Братства святого Пия X⁴, объединявшего католиков-традиционалистов, не принявших соборные реформы, с другой — организация им семинарии в Эконе (Швейцария) для подготовки священников-антиреформистов, служивших Тридентскую мессу на латыни, обуславливала напряженность. Стремление Ватикана закрыть завоевывавшую популярность семинарию успехом не увенчалось, зато после рукоположения в 1976 г. 12 выпускников семинарии ее основатель был запрещен в служении. В конце 1970-х — начале 1980-х годов Лефевра неоднократно вызывали для вразумления вначале Павел VI, а затем Иоанн Павел II, но это никак не сдерживало его критики обновленчества, которая достигла пика в 1986 г. — в связи с посещением понтификом римской синагоги и затем организацией суперакуменического форума в Ассизи. В самом деле, оба мероприятия не оставляли сомнения в том, что слова Апостола Петра об Иисусе Христе *нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян. 4:12), уже не имеют для его преемников на римской кафедре серьезного значения. В следующем году (1987) обсуждаемые здесь лекции «Они предали Его: От либерализма к отступничеству» были опубликованы. За опубликованием книги последовало рукоположение Лефевром (и одним бразильским епископом) четырех новых епископов без санкции Ватикана, отлучение от церкви Иоанном Павлом II и рукополагавших, и рукоположенных, непризнание этого отлучения самим Братством Пия X, отход от него ряда традиционалистов в Братство св. Петра, настоятельство в прежнем братстве Бернара Фелле и постепенное признание братства официальным Ватиканом в лице Бенедикта XVI, подписавшего в 2007 г. указ о допущении Тридентской латинской мессы, а затем принявшего в общение четырех «лефевристских епископов». Дело Марселя Лефевра пережило его: приходы братства существуют во всей Европе, и наиболее перспективно оно в Восточной Европе, где к религии относятся серьезнее.

Текст, в полном соответствии с заглавием, состоит из оценок автором и либерализма (Части I «Либерализм, его принципы и приложе-

⁴ Пий X (1903–1914), в миру Джузеппе Мелькиоре Сарто. Известен своей жесткой позицией по отношению к секуляризации Франции (после закона об отделении церкви от государства, принятого французским парламентом в 1905 г.) и к богословскому модернизму.

ния», II «Либеральный католицизм», III «Либеральный заговор сатаны против Церкви и Папства»), и апостасии (Часть IV «Революция в тиаре и сутане»), которые однозначно соотносятся как причина и следствие. Истоки либерализма восходят, согласно Лефевру, к Лютеру и через французскую революцию 1789–1793 гг., «верховную венгу» итальянских карбонариев и всех прочих богоборческих и антицерковных сил, которым противодействовали папы от Пия VI (1775–1799) до Бенедикта XV (1914–1922), дают результирующий эффект в подготовке II Ватиканского собора, который освободил его детонирующую силу в виде саморазрушения Католической церкви. Поскольку основатель Братства св. Пия X не был плодовитым богословом, обсуждаемая книга вполне может рассматриваться как основной манифест консервативного послесоборного католицизма, актуальный не только для своего времени, но и для настоящего. Поэтому есть все основания попытаться различить, что в этом манифесте относится к ультраконсерватизму, который вряд ли может быть приемлемым для современного человека, а что к консерватизму здравому, отстаивающему те приоритеты, без которых религия, по крайней мере христианская, существовать не может.

Ультраконсерватизм любой конфессиональной принадлежности сводится к односторонней абсолютизации преимущественно трех принципов здравого консерватизма — требований признания: 1) реальной преемственности религиозной Традиции, которая есть сложное, тонкое и автономное (если исходить из его не только человеческого происхождения) органическое единство, в коем нельзя по произволу или из потребностей адаптации к «окружающей среде» менять одни основоположения на другие, 2) соборности в религиозной жизни и 3) значимости конфессиональных границ. Абсолютизация континуальности ведет к антиисторичности, которая не мирится с тем, что, несмотря на то, что *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13:8), человек XX века не есть человек X века, что по этой причине религиозная жизнь человека современного не может во всех деталях измеряться исторически менявшимися канонами многовековой давности, подобно тому как с современным человеком нельзя говорить тем же языком, который был бы вполне хорош тысячелетие назад. Поэтому, когда Лефевр искренне не понимает, почему людей нельзя принуждать принимать истину, если их можно принуждать соблюдать государственные законы, он обнаруживает средневековое мышление, не учитывающее исторические изменения в сознании по крайней мере европейского человека. Абсолютизация соборности закономерно ведет к отрицанию свободы и непониманию того, что единомыслие людей несвободных имеет мало ценности, особенно с учетом того, что Сам Бог,

согласно христианскому учению, никого насильно ни к чему не принуждает. Лефевр не замечал, что его негодование по поводу принципов свободы совести, которая, по его мнению, «является абсурдной и безбожной» (с. 138), а также свободы печати, образования и даже философского исследования плохо согласовывалось с его же неприятием тоталитарных режимов XX в. Не ощущал он также, что его неприятие того, что европейские правительства отказываются решать, во что и как надо верить их подданным и ограничивать свободу общественного самовыражения некоторых религиозных общин (с. 261, ср. с. 268–269), гораздо более походило на принципы исламского государства, чем западного. Наконец, абсолютизация конфессиональных границ закономерно ведет к преувеличению человеческого знания в области эсхатологии и смещению масштаба в оценке «инославия». В самом деле, Бог, сказавший *в доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14:2), вряд ли доверительно сообщил Лефевру, что «на небесах нет протестантов, там есть только католики!» (с. 246), да и простой здравый смысл вряд ли оправдывает приравнивание (по отношению к католицизму) Лютера к Мухаммеду и Будде, которые для архиепископа суть одно и то же (с. 287)⁵.

Помимо этих общих мест в ультраконсерватизм Лефевра входят в качестве важных составляющих еще несколько компонентов. Прежде всего, это теократический идеал «земного царства Иисуса Христа», который, правда, исходит из бесспорной истины о том, что верующие должны осуществлять свои приоритеты и в общественной жизни, пытаясь христианизировать ее, но мало учитывает четко сказанного Понтия Пилату: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18:36). Несомненно, здесь чувствуется дух средневековых лжеисидоровых декреталий (IX в.), обосновывавших примат духовной власти над светской, папозезаризм. Вторая особенность «политической теологии» Лефевра — это явные двойные стандарты, суть которых в том, что иноверие или даже инославие в католических странах есть, по его мнению, оскорбление для католиков, на которое должно реагировать католическое государство, могущее мириться с ними лишь из «милосердия», ни в коем случае не признавая за ними «прав» (с. 274), тогда как в некатолических странах следует отстаивать все права католиков. Далее, при всем справедливом негодовании на послесоборное заискивание Ватикана перед нехристианскими религиями (заискивание совершенно одностороннее), которое нашло свою кульминацию на «супракуме-

⁵ Здесь он очень напоминает тех православных «фундаменталистов», для которых что кришнаиты, что сами католики всё одно «еретики».

нической тусовке» в Ассизи⁶, явным «увлечением» представляются заявления о том, что в этих религиях нет ничего, кроме суеверия и идолопоклонства. Достаточно упомянуть хотя бы о философской теологии, которая была представлена не только в монотеистических традициях, но и в брахманизме, чтобы можно было говорить и в связи с «идолопоклонниками» об элементах истинного богопознания (пусть и в неистинном общем контексте) или по крайней мере об «остаточном свете»⁷, который был не только остаточным, но, скорее всего, и подпитывался от начального светового источника, пусть и недостаточно понятным для теистического сознания образом⁸. Еще одна особенность рассуждений монсеньора Лефевра — очень смелое обращение с историческими обобщениями. «Протестантская ересь» оказывается причиной «натурализма» (с. 53–56) — при отсутствии каких-либо подозрений относительно того, не была ли она также, в свою очередь, вызвана какими-либо причинами⁹, — а философ Джон Локк и правовед Самюэль

⁶ Первая из них «...», организованных Иоанном Павлом II. На первом форуме 150–12. Уже на этой встрече..., без малейшего интереса относительно того, как отреагировали бы лидеры названных религий в случае просьбы со стороны христиан предоставить им свои культовые помещения. Эта совершенно односторонняя инициатива в «религиозном диалоге» (который по определению должен быть двусторонним), на деле направленная на содействие самоутверждению других религий за счет христианства, логически вытекала из формулировок II Ватиканского собора, а еще больше из самого его духа.

⁷ Когда точно была сформулирована эта концепция, сказать трудно, но то, что в XVIII в. христианские апологеты к ней обращались, достоверно. Так, аббат Ф. Ноннот, убежденный оппонент Вольтера, Руссо, Болингброка и других деистов, противопоставлял их «естественной религии», не допускавшей в ней что-либо превышающее разум, язычество, в котором можно различать остатки первоначального Откровения, хотя и искаженные (*les débris d'une révélation primitive mais défigurée*). См.: *M. l'abbé Nonnotte. Dictionnaire philosophique de la Religion, où l'on établit tous les points de la religion, attaqués par les incrédules, où l'on répond à toutes leurs objections*. Т. I–IV. Lyon: Chez J.S. Grabit, 1778. P. 31. О них же говорил в своё время и наш мудрейший иерарх свт. Филарет Московский, в частности в своей знаменитой проповеди 1820 г. на Преображение. См.: Святитель Филарет Митрополит Московский. Творения. Слова и речи. Т. 1. М., 2003, с. 101.

⁸ Об этом, как кажется, свидетельствует выживание самих теистических элементов в некоторых индийских традициях вплоть до новейшего времени вопреки полному преобладанию разнообразных форм панэнтеизма и безличностного космического энергетизма в индийских религиях.

⁹ Это очень напоминает почти общераспространенное в православной литературе представление о том, что всю ответственность за великую схизму 1053 г. несет лишь католическая сторона, которая и принимает на себя все ее последствия. При этом не учитываются ни очень сложные в каноническо-правовом аспекте отношения, складывавшиеся между Римом и Константинополем к указанному време-

Пуфендорф объявляются завершителями секуляризации естественного права (с. 57)¹⁰. Логика прозрачная: а чего, собственно говоря, еще можно было бы ожидать от этих протестантов?!

Ультраконсерватизм архиепископа Лефевра не позволил ему отнестись объективно и к новациям II Ватиканского собора, среди которых были не только деструктивные, но и здоровые. С одной стороны, история показала, что он оказался прав: богослужбная реформа никак не предотвратила того положения вещей, что во многих традиционно католических европейских странах храмы стали пустовать и передаваться в аренду другим религиозным, а то и светским организациям. Это и понятно ввиду того, что традиционный язык богослужения находится в нерасторжимом органическом единстве с другими его составляющими, является «намоленным» и несет в себе сакральность, которая не может успешно «реформироваться» по решению сверху (никак здесь не скажешь «свыше»). С другой — на Европе, как говорится, не сошелся клином белый свет, и активное обращение в тот же католицизм в Китае (ежегодно до 100 тыс. новообращенных) и в Африке вряд ли было бы возможно без допущения местных языков в богослужение¹¹. В таких и аналогичных случаях следует исходить из критерия икономии, которая в общем виде предполагает, что большее благо достигается за счет отхода от чего-то традиционно принятого, если дело не касается основ учения¹². Правильным было и то нововведение, чтобы священник читал во время богослужения Писание лицом

ни, ни то, что ущерб от схизмы понесли обе стороны, ни потеря христианского единства, положившая начало всем дальнейшим «схизмам», которых в христианстве куда больше, чем в любой другой религии.

¹⁰ С. Пуфендорф в своем основном произведении «О природном и народном праве» (изд. 1672, 1688) действительно считал «гражданское состояние» средством исцеления человечества, но здесь никак нельзя не учитывать, что болезнь, на которую была направлена эта «терапия», мыслилась им как грехопадение и его последствия для Адама и его потомков.

¹¹ А это было санкционировано Конституцией II Ватиканского собора «О богослужении», в частности I.36. § 2: «Но так как и на Литургии, и в преподавании Таинств, и в иных частях Богослужения употребление местного языка может быть весьма полезным для народа, то можно уделить ему больше места, особенно в чтениях и поучениях, в некоторых молитвах и песнопениях...». При этом не отрицалось, что перевод латинского текста на местный язык должен быть одобрен «компетентной местной территориальной властью» (§ 4).

¹² Ср. свт. Евлогий Александрийский в передаче свт. Фотия: «Икономия только тогда используется правильным образом, когда не повреждается учение благочестия» (цит. по: *Свящ. Димитрий Пашков. Икономия // Православная Энциклопедия. Т. XXII. М., 2009. С. 55*). Разумеется, все зависит от понимания объема «учения благочестия»: если под ним понимаются не только основоположения веры, но и весь церковный быт, то, конечно, сфера икономии заметно сужается.

к пастве, а не к алтарю (как это принято и у нас), поскольку, надо полагать, Бог и так его хорошо знает (если, конечно, исходить из учения о богодухновенности Писания) и что само Писание является скорее обращением Бога к людям через посредничество человеческого языка, нежели «в обратную сторону»¹³. Надо было мыслить весьма предвзято, чтобы не оценить и доктрину апостолата мирян, которая означала прощание со старым взглядом, по которому Церковь приравнивается к клиру, тогда как мирянам отводилась роль лишь инфантильно-пассивных реципиентов, а не субъектов действия в Церкви.

После сказанного, кажется, трудно отстаивать тезис, что архиепископ Марсель Лефевр был очень тонким теологом, но я попытаюсь отстоять другой — что он был проповедником и публицистом, наделенным пронизательным духовным видением, которое позволило ему увидеть многое и, когда пиар-успехи Иоанна Павла II создавали впечатление подъема корабля послесоборного католицизма, обнаружить, что многие его отсеки начали интенсивно пропускать воду. Прежде всего он обоснованно различил действия внешних сил на Католическую церковь, падение иммунитета к которым сделало возможным в конечном счете победу либерализма на соборе, и объем ее собственной ответственности.

Действия внешних сил правомерно прослеживаются в книге в исторической ретроспективе. Здесь и «культ богини разума», введенный Шометтом и Робеспьером в 1793 г. с целью замещения реальной Церкви, — классический пример квазирелигии; и тайные документы масонской «верховой венты» карбонариев (1820–1846), чья задача — разложение Церкви изнутри через внедрение в нее «нужного папы» — действительно обнаруживает признаки инфернализма¹⁴; и лоббирование

¹³ При этом мало задумываются над тем, что один раз в год — на пасхальной вечерне — у нас предписывается обращение читающего Писание к пастве. Ведь если это неправильно, то непонятно, почему это разрешается даже один раз в год, а если правильно, то непонятно, почему и не в остальные.

¹⁴ Лефевр приводит попавшие в руки Григория XVI секретные документы «верховой венты», где наряду с прочим озвучивалась стратегия, по которой «мы должны просить, мы должны искать, мы должны ждать, подобно евреям в ожидании Мессии, *нужного нам Папу*», и «чтобы получить Папу требуемых качеств, нам нужно подготовить для него — для этого Папы — поколение, достойное царства, о котором мы мечтаем...». Речь шла о «молодом духовенстве», которое сможет взять в свои руки все управление церковью и избрать «нового Понтифика», отверженного новым принципом. К потенциальным исполнителям этого проекта был обращен призыв закинуть сети по примеру Петра, но «не в морские глубины, в ризницы, семинарии и монастыри... Рыболов стал ловцом человеков; вам же предстоит собрать друзей вокруг апостольской Кафедры. Вы будете проповедовать революцию в тиаре и сутане, с крестом и хоругвью в руках, и достаточно будет

ние интересов антикатолических сил непосредственно в преддверии II Ватиканского собора. Массонский, коммунистический и прочие заговоры и в самом деле нельзя сбрасывать со счетов (они вполне документированы) на том только основании, что многие «охранители» неправомерно видят только в них исчерпывающее объяснение процессов, разрушительных для Церкви. Рассудительность в позиции архиепископа Лефевра состояла в том, что в отличие от них он уделял больше внимания внутренним причинам: «Христианское и католическое общество, а в конечном счете и Церковь гибнут не столько под натиском коммунистов и масонов, сколько вследствие предательства либеральных католиков, которые сначала организовали Собор, а затем осуществили послесоборные реформы» (с. 320). Ведь те же приблизительно силы действовали и во времена понтификатов Пия IX, Льва XIII, Бенедикта XV и других пап, которых обильно цитирует автор и которые имели мужество противостоять им.

В ментальности же самих организаторов «либерального католицизма», восторжествовавшего на соборе, архиепископ Лефевр видит причину и подмену на умозраительном уровне, и интенций на уровне глубинном. Подмены, на которые он обратил внимание, оказались еще более актуальными для настоящего времени, чем для времени его лекций, и в этом можно видеть признаки его прозорливости. В самом деле, если для реального христианства свобода и благо соотносятся как средство и цель, то для либерального католицизма свобода как таковая — ради блага или вопреки ему — оказывается целью самой в себе. Если для первого права неотделимы от обязанностей, то для второго индивид становится абсолютным субъектом права, свободно отделяемого от обязанностей. Если реальное христианство принимает демократическое устройство общества, «не возвышая то или иное устройство над прочими», то либеральный католицизм внедряет демократическую идеологию, основанную на разрушении иерархических принципов, необходимых следующих из теоцентрической картины мира. Если, наконец, реальное христианство принимает толерантность как принцип милосердия и благоразумия, то либеральный католицизм отстаивает толерантизм (он же в конечном счете — индифферентизм) снова

малейшего толчка, чтобы эта революция зажгла огонь в четырех оконечностях мира» (с. 213–214). Тому читателю-скептику, который усомнится в подлинности этих документов, можно без труда возразить, что тот же план разложения Церкви изнутри последовательнейшим образом осуществляла в коммунистической России ЧК, постоянно засылавшая в Церковь своих агентов и организовывавшая целые альтернативные Патриархии церковные объединения начиная с «живоцерковников».

как идеологию (с. 172). Очевидно, что речь идет о чисто секуляристских принципах, рецепция которых является признаком секуляризации самой церкви. И здесь архиепископ Лефевр обнаруживает основную проблему в сознании идеологов II Ватиканского собора — «раздвоение разума», пытающегося усидеть на двух стульях, католицизма и секуляризма, одновременно, — в точности как «те, кто называл себя католиками» из обращения Пия IX к одному из католических кружков 1870-х годов. Речь идет об одностороннем приспособленчестве церкви к неприемлющему ее миру, которое, согласно архиепископу Лефевру, имеет довольно прозрачные и причину и следствие. Причину траектории «от малодушия к отступничеству» он правомерно видел в «нехватке духа веры, каковой есть дух целостности» (с. 177), а следствие — в потере позиций в том самом мире, к которому приспособляются.

Тут, кажется, нечего добавить, кроме разве что двух уточнений. Вера, дефицит которой заставляет мимикрировать и иерархов, и богословов, и простых мирян любой конфессии (не только либерального католицизма) под «приоритеты мира сего», — это вера в жизнь будущего века и в воздаяния за дела, совершаемые в этой жизни. А системная ошибка, заложенная в обсуждаемое приспособленчество в миру, — непонимание того, что мир этот уважает только духовную силу и никак не может быть заинтересован в том, что вводит его в заблуждение, имитируя причастность к Традиции, но не имея ее духа и власти. Пройдет два с небольшим десятилетия после кончины архиепископа Лефевра, как Ватикан начнет ради односторонней любви к мусульманам осуждать правительство Франции за запрет ношения паранджи и никаба в общественных местах¹⁵ в ожидании ответной любви иудеев нужным для них образом «перечитывать» Евангелие¹⁶, а ради совсем безответной любви к секуляризованному миру исповедовать учение об эволюции, осторожно «пересматривать» отношение к рукополагаемым священникам с недавней «нетрадиционной ориентацией»,

¹⁵ При этом опросы показывают, что свыше половины жителей Евросоюза выступают против мусульманских головных уборов в публичных местах.

¹⁶ Премьер-министр Израиля Нетаньяху, а также многие раввины очень высоко оценили «смелость» Бенедикта XVI за «деконструкцию» Мф. 27:25, где иудеи окончательно избавляли совесть Понтия Пилата от ответственности за Голгофу, заверяя, что *кровь Его на нас и на детях наших* в том смысле, что они... не несут никакой ответственности за казнь Иисуса. При этом поспешность Ватикана в демонстрации своей политкорректности была столь ошеломительной, что соответствующий «меморандум» был преподнесен как раздел второго тома книги Бенедикта XVI «Иисус из Назарета» (гл. 7) ещё до его публикации (и, вполне вероятно, до написания).

а также «разрешать» аборт и противозачаточные средства, получая в ответ лишь все большее презрение¹⁷. И это вполне соответствует сказанному в Новом Завете: *Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на погребение людям* (Мф. 5:13).

Наконец, нельзя не коснуться двух моментов, которые архиепископ Лефевр рассмотрел не совсем корректно, но которые вызвали совершенно правомерную его тревогу. Они кажутся вполне раздельными, но на деле являются тесно взаимосвязанными и представляют жизненную актуальность не только для Ватикана, но и для всех христианских конфессий. Это проблемы диалога с нехристианскими религиями и секуляризации некогда христианских государств.

Решение межрелигиозных отношений с позиций политкорректности составляет специфику современной христианской позиции, принципиально отличной от позиций других религий по отношению к самому христианству. Монсеньор Лефевр безошибочно определил, что призывы ватиканских реформаторов к верующим «искать истину» вместе с представителями других религий (с. 249), которым не предлагается сомневаться в том, что они уже обладают ею, и почитание «ценностей» их наследия без упоминания того, что с точки зрения реального христианства в этих «ценностях» очень много проблематичного¹⁸, не сочетаемы с миссионерскими задачами христианства и фактически решение этих задач обесмысливают. То, на что идеологи II Ватиканского собора намекали, было договорено до ясности некоторыми очень влиятельными на Западе антихристианами, например экзекатоликом Гансом Кюнгом, который был в свое время одним из деятельных отцов того же II Ватиканского собора, а затем занялся факти-

¹⁷ Достаточно упомянуть о том, что в 2010 г. в некоторых европейских странах стали выпускать презервативы в обертках с изображением Бенедикта XVI и со словами «Он сказал — нет». Здесь достигались сразу две цели — и содействие популярности данной продукции, покупателям которой предлагалось самое сладостное — нарушение запрета, и та, что изображение римского первосвященника выбрасывается в помойку после «употребления». Самоочевидно, что использование в подобной рекламе изображения какого-нибудь раввина или муфтия привело бы в первом случае к судебному процессу а во втором — к погромам, тогда как над Ватиканом можно теперь глумиться сколь угодно безнаказанно.

¹⁸ См., к примеру, Декларацию II Ватиканского собора *Nostra aetate* («В наше время»), параграф 2, посвященный буддизму и индуизму. Здесь, правда, христианам не возбраняется при уважении к этим «ценностям» верить и во Христа, но никак не отмечается полная несовместимость с «христианскими ценностями» как буддийского отрицания и Бога и человеческой личности, так и индуистского учения о карме и сансаре, которые составляют прямое отрицание учения о творении.

чески миссионерством с позиций едва ли не любых религий на территории христианства¹⁹. При этом нет недостатка в христианских теологах и священнослужителях, которые готовы «учиться и исправляться». А это позволяет представить себе картинку, которая вряд ли проходила перед мысленным взором монсеньора Лефевра даже как страшный сон: возможно, уже не очень далеко то время, когда христианских священников в Европе будут рукополагать только по рекомендации раввинов, мулл и лам с сертификатом о надежности по части «толерантности».

Однако если вдуматься в причины этого неравенства в межрелигиозных отношениях, то они окажутся достаточно объяснимыми. Иудаизм в Европе опирается на государство Израиль, очень влиятельные международные еврейские организации, заслуженное общеевропейское чувство вины за Холокост (правда, только за один, не за другие)²⁰ и

¹⁹ Разрыв Кюнга с Ватиканом был «оформлен» в начале 1970-х годов после его памфлета об институте папства «Непогрешим?». В своем шумевшем манифесте «Проект мирового этоса» (1990) он заявил, что на земле нет религии, которая по своей нетерпимости могла бы сравниться с христианством, указав и основную причину этого — настаивание на божественности Иисуса Христа, мешающее налаживать «диалог» с другими религиями: *Küng H. Projekt Weltethos. Munich/Zürich: Piper, 1990, S. 109–110*. Видимо, именно по причине этой эксклюзивной христианской нетерпимости из каждых 100 жертв насилия на религиозной почве 75 в настоящее время являются христианами... А о том, как Кюнг осуществлял «диалог», свидетельствует серия его книг, написанных в соавторстве со специалистами по другим религиям, где он представлял «христианскую сторону». Например, в книге по буддизму и христианству (в соавторстве с крупным буддологом Х. Бехертом) он обрисовывал возможный «взаимообмен» между ними таким образом, что заимствующей стороной может быть только вторая (в особенности в связи с дзенской медитацией), поскольку она является более «поврежденной» вследствие того, что христиане «даже в молитве регулируются церковной догматикой, порабощающими правилами и духовной дисциплиной»: *Küng H. & Bechert H. Christentum und Weltreligionen. Buddhismus. Munich/Zürich: Piper, 1990, S. 204*.

²⁰ Так, например, никому в Европе в голову не придет привлекать к уголовной ответственности тех, кто отрицает геноцид армян или греков турками в начале XX в., да и говорить об этом (за исключением разве только Франции, где сильна армянская община) считается «невежливым». Ни звука не было сказано по этому поводу и «политкорректным» Ватиканом, когда совсем недавно Ангела Меркель грозила привлечь к суду лефевристского епископа Уильямсона (действительно неумного), отрицавшего геноцид евреев. Что же касается ссылок Ватикана в ответ на вполне продуманное давление иудеев, настаивающих на пассивности Пия XII (1939–1958) во время Холокоста, на какие-то тайные документы (свидетельствующие о том, что он тайно помогал евреям), то гораздо правильнее было бы, во-первых, отметить, что вообще-то сопротивляться гитлеровскому министерству по делам церкви, национал-социалистической партии, спецслужбам и гестапо было не так-то просто, во-вторых, привести общеизвестные случаи католического сопро-

культ меньшинств, составляющий важнейшее основание идеологии современной западной демократии. Ислам — на нефтяную мощь арабских государств, уважение за свою последовательную «средневековую ментальность» (которая не может не импонировать носителям «беспочвенной» либеральной идеологии), за решимость отстаивать себя любыми без исключения средствами и на тот же общий культ меньшинств, который распространяется даже на те из них, которые имеют все шансы уже в ближайшее время стать по простым демографическим причинам «большинствами». За христианство же не стоит ни одно европейское государство, которое строило бы свою политику на его защите²¹. И здесь претензии можно предъявлять отнюдь не к иудеям и мусульманам, которые естественным образом себя отстаивают, но только к тем, кто давно уже утратил свою религиозную идентичность.

Еще до знакомства с книгой Лефевра я высказал предположение, что II Ватиканский собор стоит у начала той траектории исторического пути христианства в Европе, которая станет противоположностью его вектора в Римской империи от Нерона до Константина Великого: от положения религии господствующей к терпимой и, наконец, к гонимой. Такую гипотезу подтверждает и алмазный отказ европейских стран внести даже упоминание о «христианских корнях» Европы (которое, надо отдать ему должное, пытался было лоббировать Ватикан) в текст европейской конституции — Лиссабонского договора²² (что очень похоже на вполне еще начальный, но уже реальный первый шаг в обсуждаемом направлении), на каковой не могло не оказать влияние (среди

тивления гитлеровскому режиму и, в-третьих, посоветовать своим *vis-à-vis* представить себе такую ирреальную ситуацию, чтобы ортодоксальные иудеи при гитлеровском режиме стали бы отстаивать права католиков (это противоречило бы не только их инстинкту самосохранения, но и самой их религии). Об осуждении католическими иерархами и священниками Холокоста см., к примеру: Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх. СПб.: Алетей, 2009. С. 231, 240–241, 354–355.

²¹ В этой связи нельзя не вспомнить о многих христианских (прежде всего католических) мучениках в странах третьего мира, гибель которых могла быть предотвращена, если бы правительства их стран хоть сколько-нибудь дорожили их жизнью. О «заклании» семи братьев-цистерцианцев в Алжире см.: [Дон Бернандо Оливера.] Наши братья из Атласа: истолкование событий в свете веры // Новая Европа, 1997, № 11. С. 33–40. Отказ правительства Франции вести переговоры с так называемой Вооруженной исламской группировкой (ВИГ) объяснялся не принципиальностью в отношении с преступниками, а тем, что монахи не представляли никакой ценности в его глазах, и если бы речь шла о более «значительных» людях, несомненно эти переговоры закончились бы успешно.

²² При этом даже те католические страны, которые временно тормозили этот проект (Ирландия и Чехия), делали это из экономических, а не из религиозных соображений.

прочих факторов) и самое главное последствие «адаптивистского» II Ватиканского собора — потеря самой централизованной христианской конфессией главного для диалога с обществом — уважения и авторитета²³. Но на положение дел в Европе не могут не оказывать воздействие тенденции и за ее пределами. При полномасштабном «выдавливании» христианства в странах третьего мира (будь то «сверхтолерантная» Индия или значительно менее толерантные Марокко, Индонезия, Пакистан, Иран, Ирак или, в последнее время, Нигерия и Египет), равного которому трудно найти по отношению к любой другой религии, ни одно из исторически христианских государств не пытается строить свою политику с этими странами исходя из положения в них христианских меньшинств. При этом возможности воздействия в данном случае еще отнюдь не исчерпаны — ни политические, ни экономические, особенно с учетом того, что многие из этих стран живут за счет помощи исторически христианских государств. Правда, западные государства начиная по крайней мере с XIX в. не поддерживают восточнохристианские народы из политических интересов, однако была одна страна на карте мира, которая действительно отставала на Востоке интересы христианства, — Российская империя. Разумеется, о преемственности в этой политике не могло идти речи в период государственного атеизма, однако и в эпоху самого активного «огосударствления религии» и «воцерковления государства» представить себе ее реальное продолжение в РФ столь же немыслимо, как и вмешательство в межрелигиозные конфликты западных государств²⁴.

Кто-то сказал, что книга Лефевра имеет привкус пороха. Я бы уточнил, что она провоцирует на многие размышления.

²³ Сошлюсь в связи с этим на свою специальную публикацию на эту тему: *Шохин В.К.* Христианство как религия политкорректности в современной Европе: иллюзии и реальные перспективы // Альфа и Омега, 2008, № 3 (53). С. 216–236.

²⁴ Правду сказать, 19–20 января 2011 г. Европейский парламент принял резолюцию «О положении христиан в свете защиты свободы религии», осуждающую насилие над ними в странах третьего мира (после грандиозного новогоднего теракта в одной из церквей Александрии), и обратился к органам Евросоюза с предложением установления договоренностей с этими странами по принципу: деньги и бизнес в обмен на соблюдение прав человека. Есть, однако, все основания полагать, что эти намерения имеют столь же скромные перспективы, как и начавшиеся робкие разговоры в Европе о том, что пора прощаться с политкорректностью в отношении нелегальных эмигрантов. При нынешнем же уровне всесторонней поддержки странами НАТО «демократических революций» в североафриканских и ближневосточных странах, движимых исламскими радикальными организациями, договариваться скоро будет, вероятно, не с кем и уже не за кого.